

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

Гуцол С.Ю.

Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт»

Статья представляет собой попытку артикуляции некоторых сторон множественной проблематики мифологических феноменов личностно-ориентированного литературного дискурса. Показано, что актуализация мифа в литературном дискурсе обусловлена его основными психологическими функциями, позволяющими в субъективном пространстве жизни личности создавать и удерживать целостность картины мира, задавать идеалы и образцы поведения, «прерывать» причинно-следственную обусловленность жизненных событий, «снимать» проблему мотивации и поиска смысла. Обосновано, что миф, благодаря первичной символизации расширяющегося жизненного пространства, становится основой создания нового смыслового универсума личности. Описаны механизмы воспроизводства мифологических структур в литературных нарративах. Проанализированы виды литературно-ориентированного поведения личности, психологические особенности жизненных сюжетов «циклического» типа. Выделены специфические пространственно-топологические атрибуты построения мифологических сюжетов.

Ключевые слова: миф, дискурс, личностно-ориентированный дискурс, литературно-ориентированное поведение, сюжет «циклического» типа.

Постановка проблемы. Мифопорождение как сложный многогранный процесс формирования, актуализации, аккумуляции, упорядочивания, трансляции мифов культурой и их дальнейших интерпретаций и реинтерпретаций личностью непрерывно циркулирует в социокультурном пространстве, состоящем из дискурсов, погружение в которые и предопределяет саму возможность порождения и присвоения мифов. Стремительное разрастание пространства массовых коммуникаций и возникновение все новых видов дискурсов, активно воздействующих на различные стороны жизни современного человека, предполагает активизацию научного интереса к изучению дискурсов как мифопорождающих контекстов культуры.

Анализ последних исследований и публикаций. Понимание мифа как процесса мифопорождения постепенно получило свое распространение в современном научном дискурсе. Так, В.П. Руднев определяет миф через понятие «мифотворчества или мифологического космогенеза» [12]. Согласно концепции Ж.-Ж. Вюанбурже, мифогенез является особым ноэтическим процессом, который имеет не только психологическое, но и теоретико-познавательное значение [4]. А.Г. Чадаева обосновывает мифогенез как тип культурогенеза [15]. По мнению Д.В. Реута, мифопорождение является перманентным процессом функционирования в индивидуальном и общественном сознании универсальных для этносов и народов устных и письменных текстов, которые составляют откровение о сущности мироздания и роли человека в нем [10]. Анализ современных мифоведческих исследований выявляет тенденцию их преимущественной сосредоточенности на изучении общих философских и социально-психологических закономерностей процессов мифопорождения в культуре.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Однако протекание вышеобозначенных процессов внутри различных социокультурных контекстов имеет свою выраженную специфику недостаточно проинтерпретированную в современном гуманитарном знании. Так, важную роль в процессе мифопорождения имеют личностно-ориентированные дискурсы, психологические особенности которых малоисследованы в современной психологической герменевтике.

Цель статьи. Проанализировать литературный дискурс как личностно-ориентированный дискурс мифопорождения.

Изложение основного материала. В процессе формирования смыслового поля культуры большую роль играют личностно-ориентированные (персональные) дискурсы (В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.В. Красных, И.И. Чумак-Жунь). С точки зрения В.З. Демьянкова, личностно-ориентированный дискурс представляют собой проявления «текста в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [5]. По мнению Н.В. Чепелевой, одним из механизмов понимания личного опыта (наряду с семиотическим и коммуникативным), является мифологический механизм [9], выполняющий мислообразующую функцию в жизни индивида и обладающий мощным потенциалом саморазвития и самопроектирования личности.

В контексте вышесказанного, нам видится перспективным обратиться к богатейшим ресурсам литературы как к «золотому фонду» мифологических форм воплощений личностных проектов. В русле обсуждаемой проблемы важную роль играют базовые сюжеты мировой литературы, имеющие мифологические корни.

Для описания поведения индивида, заимствующего модели и тактики из художественной литературы, О.Н. Турышева использует термин «литературно-ориентированное поведение» [13]. Данный феномен получил разноаспектное описание в семиотических (К. Гирц, А. Зорин, Ю.М. Лотман, И. Паперно), социологических (Ю. Левада), феноменологических (М.М. Бахтин, П. Рикер, Г. Хаззагеро) исследованиях, в которых по-разному артикулируются основания литературно-ориентированного поведения: связываются с потребностью моделирования человеком собственной идентичности, внешнего впечатления о себе, фабулизма собственной жизни, с потребностью «приручения» событийного потока действительности.

В генезисе литературно-ориентированное поведение является частным случаем воплощения универсального сюжетного инварианта, в литературоведении получившего название «циклическая сюжетобразующая модель». Такая сюжетная матрица восходит своими корнями к обряду инициации, в основе которого лежит символическое путешествие героя в царство мертвых и его последующее возвращение в мир живых.

Структуру этого сюжетного инварианта обычно интерпретируют как трех- или четырехчастную.

В случае трехчастной трактовки сюжет понимается как состоящий из мотивов потери – поиска – обретения. При четырехчастной интерпретации матричная схема получает дополнительный мотив нового партнерства, которое приобретает героем после потери (ухода). Здесь прохождение героя через смерть (мотив поиска) может отождествляться с фазой испытаний, а обретение – с преображением, содержанием которого является «изменение статуса» инициируемого.

Одним из видов литературно-ориентированного поведения является цитатное поведение. Исследуя цитатное поведение как частный случай модификации универсального циклического архесюжета, О.Н. Турышева выделяет пять составляющих его структуры:

- фазу кризиса, неудовлетворенностей, разочарований индивида;
- фазу поиска, выбора определенного литературного произведения и /или ситуацию непосредственного обращения нему;
- фазу «применения» человеком книжного знания в своей жизни (подражание автору книги, заимствование образа или имени литературного героя, принятие или отвержение книжной этики, цитация литературного жеста пр.);
- фазу переживания коллизии, возникающей в процессе привнесения книжного знания индивидом в свою жизнь;
- фазу преображения, которое можно рассматривать в качестве итога «книжной» деятельности индивида и которое может носить как позитивный характер в случае «комического», так и негативный – при «трагическом» типе финала архесюжета [13].

О «цитатной жизни» людей в мифологические времена размышляет в своем эссе о З. Фрейде Т. Манн. Архаического человека перед совершением какого-либо поступка он сравнивает с торевдором, который сначала ищет равновесие, чтобы затем точнее нанести смертельный удар. Так же и человек мифа перед любым своим действием сначала делает шаг назад, ищет пример в прошлом и, погружаясь в прошлое, словно в водолазный скафандр, защищенным и преображенным встречается с проблемами настоящего [17, с. 15]. Мифологичность цитатного поведения обосновывает также в своих исследованиях С.В. Ольховикова [8].

Литературно-ориентированное поведение может выполнять множество функций, одной из которых является удовлетворение потребностей человека в эстетизации собственной жизни. Герой-имитатор посредством цитат пытается обрести желаемые обстоятельства, способные героизировать или эстетизировать повседневность, стремится растворить свою индивидуальность в литературных образцах, и, тем самым, прожить другую, чужую, но более яркую жизнь.

Выраженное доминирование литературного начала над действительностью можно обнаружить и в XX столетии. Так, например, в своих воспоминаниях о символистах В.Ф. Ходасевич подчеркивает, что «художник, созидающий «поэму» не в искусстве своем, а в жизни, был законным явлением в ту пору (...). Разрешалось быть одержимым чем угодно: требовалась лишь полнота одержимости: отсюда лихорадочная погоня за эмоциями, безразлично за какими. Стремление перестраивать жизнь (...) влекло символистов к непрерывному актерству перед самими собой – к разыгрыванию собственной жизни как бы в театре жгучих импровизаций. Знали, что играют, но игра становилась жизнью. А расплаты были не театральные (...). Любовь открывала

прямой и кратчайший путь к неиссякаемому кладезю эмоций. Достаточно было быть влюбленным – и человек становился обеспечен всеми предметами первой лирической необходимости: страстью, отчаянием, ликованием, безумием, пророчеством, грехом, ненавистью и т.д. Так играли словами, коверкая смысл, коверкая жизнь» [14, с. 9–14].

С точки зрения В.Ф. Ходасевича, символисты сознательно строили свою жизнь как поэму, пытались превратить ее в произведение искусства. По мнению М.В. Розина, для поэтизации действительности символистам был необходим образ главного героя, который мог быть как положительным, так и отрицательным, лишь бы эти его качества выражались с максимальной силой, в наиболее выпуклой форме, вызвали обостренный интерес, пристальное внимание и переживания зрителя (читателя). В дополнение к этому образу была также необходима определенная сюжетная линия событий, которые могли бы проявить, выявить этот образ, ярко представить его зрителю. Например, если герой был злым и несчастным, то нужна была такая последовательность событий, при которой герой сначала мог бы проявить себя злым человеком, а потом пострадал бы в результате собственных злодеяний [11]. Следуя описанию В.Ф. Ходасевича, символисты осознанно разрушали собственные жизни, руководствуясь эстетическими, художественными принципами, требующими трагедийности, кульминации, острых конфликтов, вынуждающими в определенный момент завершить жизненную драму [14].

В конце 50-х годов XX века примат литературного начала над окружающей действительностью трансформировался в феномен преобладания эстетики над идеологией. «Книжная» молодежь конструировала свою жизнь, опираясь на эстетические принципы. И если идеология пятидесятых характеризовалась массовостью, тавтологией и патетичностью, то эстетические каноны этого периода акцентировали внимание на индивидуальности, уникальности человеческих переживаний, свободе. Здесь идея индивидуализма, «человека самого по себе» не была заимствована из литературы, а была выстрадана целым поколением: внутренняя автономия была для него единственной альтернативой окружающей действительности. По времени распространение этой идеи совпало с появлением в СССР переводной американской литературы, которая, с точки зрения И.А. Бродского, нигде «не была выражена более полно и внятно (...) начиная с Мелвилла и Уитмена и кончая Фолкнером и Фростом» [6, с. 360].

Героем этого «книжного» поколения, примером для массового подражания становится Э. Хемингуэй. П. Вайль и А. Генис в своей книге «60-е. Мир советского человека» подробно анализируют этот яркий феномен: «Хемингуэй существовал не для чтения. (...) 60-е перевели на русский не столько его книги, сколько его манеру жить. При этом писателем распоряжались с тем бесцеремонным произволом, который может оправдать только всепоглощающая любовь» [1].

В вышеописанном примере речь идет об актантной цитации (О.Н. Турышева) – непосредственном подражании литературному персонажу или его автору [13]. Само наименование этого феномена (с опорой на актантную теорию А.-Ж. Греймаса) акцентировало внимание на типовом, универсальном характере мотивов такого подражания. Актантная цитация может выполнять защитную функцию, функцию «маски-амплуа» (О.Н. Турышева) и использоваться субъектом в качестве модели формирования внешнего поведения. В процессе самопроектирования актантная

цитация приобретает рефлексивную основу: цитирующий субъект из жертвы литературного «соблазна» (Ж. Бодрийар) превращается в интерпретатора первоисточника собственного поступка, своей экзистенциальной ситуации.

Сюжетные схемы человеческих жизней выстраиваются чрезвычайно многообразно. «Типическими» сюжетами А.Н. Веселовский считает только циклические сюжеты, жизненные циклы которых представляют собой последовательности типичных выборов. Согласно его взглядам, жизненные циклы очень похожи на деревья разветвляющихся сюжетных схем, на сказочные дороги, на перепутья которых периодически оказывается человек [2].

С точки зрения Н.В. Вольского, внутри сюжета «циклического типа» человеку не свойственны сомнения относительно выбора своего жизненного пути, так как сами его жизненные цели не являются предметом выбора в принципе (они хорошо известны, как естественно существующие); а направление жизненного пути полностью детерминировано тем конкретным положением, в котором человек находится [3]. Отклонение от пути по собственной инициативе для «циклического человека» является абсолютно бессмысленным актом. Изменить направление этого движения способна лишь какая-нибудь внешняя причина, которая может препятствовать его продвижению к цели. В то же время, судьба человека, выступающая в совокупности его различных жизненных обстоятельств, (в виде определенной среды, внутри которой он вынужден действовать и которую он не способен выбрать по собственному желанию), постоянно затрудняет приближение человека к своей цели, уклоняя его в сторону.

Многочисленные мифологические нарративы и волшебные сказки строятся по следующему образцу: кто-то перед героем ставит трудные задачи, а он, чтобы не лишиться жизни и/или счастья, вынужден, их решать, преодолевая все возможные и невозможные препятствия. Н.В. Вольский акцентирует внимание на том, что «циклический человек» не стремится к завоеванию каких-либо новых высот, а всецело направлен на восстановление своего исходного состояния. При этом финальная награда (полцарства, женитьба на царской дочери) никогда не являются самостоятельной целью, к которой герой стремился, а лишь почетным званием, подтверждающим его достоинство [3].

В результате пространственного многоуровневого изоморфизма и циклической структуры мифоло-

гического времени каждая точка мифологического пространства и человек, в ней находящийся, обладают тождественными проявлениями с изоморфными им участками других уровней. В связи с этим, Ю.М. Лотман подчеркивает, что «в силу специфических пространственно-топологических атрибуций построения мифологических сюжетов, им присущи структурные закономерности гомеоморфизма. Это приводит к созданию элементарно-семиотической ситуации: всякое сообщение должно интерпретироваться, получать перевод при трансформации его в знаки другого уровня. Поскольку микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его вселенной отождествляются, любое повествование о внешних событиях может восприниматься как имеющее интимно-личное отношение к любому из аудитории. Миф всегда говорит обо мне» [7, с. 227].

Выводы и предложения. Сюжет субъективной автобиографии может определяться стремлением обретения целостности не только в рамках психологической, но и мифопоэтической типологии. И, несмотря на, казалось бы, очевидную победу принципа историко-бытовой (линейной) нарративности в современном обществе, именно в области искусства и литературы воспроизводство мифологических структур продолжает сохранять чрезвычайно важное значение, обеспечивает «живой» диалог человеческого сознания с миром реальности и может служить основанием дискурсивного знания как такового. Миф, благодаря первичной символизации расширяющегося жизненного пространства, становится основой создания нового смыслового универсума личности. Роль мифа в этом процессе обусловлена его основными психологическими функциями, позволяющими в субъективном пространстве жизни личности создавать и удерживать целостность картины мира, задавать идеалы и образцы поведения, прерывать причинно-следственную обусловленность жизненных событий, снимать проблему мотивации и поиска смысла.

Анализ психологических особенностей сюжетов, конструируемых субъектом, и рассматриваемых нами как «проекции» смыслового пространства личности, с нашей точки зрения, может открыть перспективы для более глубокого понимания мотивационно-смыслового включения индивида в процесс проектирования своего развития, а также перспективы оказания более эффективной профессиональной психологической помощи человеку, испытывающему на этом пути определенные трудности.

Список литературы:

1. Вайль П. 60-е: мир советского человека [Электронный ресурс] / П. Вайль, А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 367 с. – Режим доступа: <http://www.litres.ru/aleksandr-genis/petr-vayl/60-e-mir-sovetskogo-cheloveka/chitat-onlayn/page-4/>
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 408 с. (Сер. «Классика литературной науки»).
3. Вольский Н. В. Иван-Дурак, или Первобытная диалектика жизненного пути [Электронный ресурс] / Н. В. Вольский // Независимый бостонский альманах «Лебедь». – 2007. – № 521. – Режим доступа: <http://lebed.com/2007/art4956.htm>
4. Вюнанбурже Ж.-Ж. Принципы мифопоэтического воображения / Ж.-Ж. Вюнанбурже; отв. ред. Б. Г. Соколов // Метафизические исследования. – Вып. 15. Искусство II. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества; Изд-во «Алтейя» (СПб), 2000. – С. 51–68.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55. – Режим доступа: www.infolex.ru/Textidis.html
6. Довлатов С. Собрание прозы: в 3-х т. / С. Довлатов; иллюстр. А. Флоренского. – СПб: Лимбус-пресс, 1995. – Т. 3. – 415 с.
7. Лотман Ю. М. Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Т. 1. – Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Изд-во Тартус. ун-та, 1992. – 497 с.
8. Ольховикова С. В. Мифологическая структурация культуры / С. В. Ольховикова // Человек в мире культуры. – 2012. – № 1. – С. 20–30.

9. Проблемы психологической герменевтики / Под ред. Н. В. Чепелевой. – К.: Изд-во Национального педагогического ун-та им. Н. П. Драгоманова, 2009. – 382 с.
10. Реут Д. В. Миф как динамическая система и единица культуры / Д. В. Реут // Материалы научной конференции «История взаимодействия природы и общества» (5–8 июня 2000 г., Москва) Приложение к Вестнику Российского философского общества. – М.: Институт истории естествознания и техники. – 2000. – Ч. 3. – С. 20–21.
11. Розин М. В. Психология судьбы: программирование или творчество? / М. В. Розин // Вопросы психологии. – 1992. – № 1. – С. 98–105.
12. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
13. Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы / О. Н. Турышева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011 – 284 с.
14. Ходасевич В. Ф. Некрополь. Воспоминания / В. Ф. Ходасевич. – Париж: YMCA-PRESS, 1976. – 280 с.
15. Чадаева А. Г. Мифогенез и роль мифа в культуре общества потребления: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. культурологии: спец. 24.00.01. «Теория и история культуры» / А. Г. Чадаева. – М.: Государственная академия славянской культуры, 2006. – 16 с.
16. Чепелева Н. В. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта / Н. В. Чепелева // Мова і культура. (Науковий щорічний журнал). – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003. – Вип. 6. – Т. II. Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації. – С. 25–33.
17. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг; пер. с нем. А. А. Спектор. – Минск: Харвест, 2004. – 400 с.

Гуцол С.Ю.

Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут»

МІФОЛОГІЧНІ КООРДИНАТИ ОСОБИСТІСНО-ОРІЄНТОВАНОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСУ

Анотація

Стаття є спробою артикуляції деяких сторін множинної проблематики міфологічних феноменів особистісно-орієнтованого літературного дискурсу. Показано, що актуалізація міфу в літературному дискурсі обумовлена його основними психологічними функціями, що дозволяють у суб'єктивному просторі життя особистості створювати й утримувати цілісність картини світу, задавати ідеали й зразки поведінки, «переривати» причинно-наслідкову обумовленість життєвих подій, «знямати» проблему мотивації й пошуку смислу. Обґрунтовано, що міф, завдяки первинній символізації життєвого простору, що розширюється, стає основою створення нового смислового універсуму особистості. Описано механізми відтворення міфологічних структур у літературних нарративах. Проаналізовано види літературно-орієнтованої поведінки особистості, психологічні особливості життєвих сюжетів «циклічного» типу. Виділено специфічні просторово-топологічні атрибуції побудови міфологічних сюжетів.

Ключові слова: міф, дискурс, особистісно-орієнтований дискурс, літературно-орієнтована поведінка, сюжет «циклічного» типу.

Gutsol S.Y.

National Technical University of Ukraine
«Kyiv Polytechnic Institute»

MYTHOLOGICAL COORDINATES OF THE PERSONALITY-ORIENTED LITERARY DISCOURSE

Summary

The article is an attempt to articulate some aspects of the multiple issues of mythological phenomena of the personality-oriented literary discourse. It is shown, that the actualization of myth in literary discourse is determined by its basic psychological functions, which allow creating and maintaining the integrity of the world's picture, set up ideals and patterns of behavior, «interrupt» causal conditionality of life events, «remove» the problem of motivation and search for sense in a subjective space of personality's life. It is proved, that myth becomes a basis for creation of a new semantic universe of personality due to its primary symbolization of expanding living space. The mechanisms of reproduction of mythological structures in literary narratives are described. The types of literature-oriented personal behavior and the psychological features of «cyclic-type» life-plots are analyzed. The specific spatio-topological attributions of mythological plots construction are highlighted.

Keywords: myth, discourse, personality-oriented discourse, literature-oriented behavior, «cyclic-type» plot.